

«...Я ТОЖЕ УМЕЮ ЧИТАТЬ»

(Воспоминания Веры Васильевны Руденко о деде А.П. Чехова Егоре Михайловиче)

Е.П. КОНОПЛЕВА, Е.А. ШАПОЧКА

Александра Егоровна Чехова (Кожевникова), сестра отца и родная тетя Антона Павловича Чехова, в биографиях писателя упоминается до то го скупо, что мы до сегодняшнего дня знали о ней очень мало. Один английский профессор как-то даже вопрошал: «Что надеялась тетя в Богучаре? Почему никто не переписывается с ней и даже не упоминает ее?» Информационная пустота так бы и осталась вокруг этого имени, если бы не случайность.

В 1983 г. в музей принесли письмо для Татьяны Владимировны Чеховой¹. Писала из г. Дербента Дагестанской АССР, не имея точного адреса, Ксения Андреевна Руденко, правнучка Е.М. Чехова, внучка его дочери Александры. Она обращалась к Татьяне Владимировне с просьбой обменяться семейными родословными, а также высказала пожелание наладить переписку.

Сотрудница музея Н.С. Коваленко доставила письмо Т.В. Чеховой, однако и сама, заинтересовавшись, написала в Дербент. Завязалась переписка², в результате которой в декабре 1984 г. Н.С. Коваленко получили рукопись воспоминаний о деде писателя Егоре Михайловиче Чехове и семье его дочери Александры Егоровны, записанных К.А. Руденко³ со слов своей матери Веры Васильевны Руденко, дочери А.Е. Чеховой (Кожевниковой).

В 1996 г. Н.С. Коваленко передала рукопись в фонды Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника.

Текст воспоминаний приведен в соответствии с современной орфографией, исправлена пунктуация и в некоторых местах проведена незначительная стилистическая правка. В тексте воспоминаний встречаются южнорусские выражения и грамматические обороты, а также советизмы, что объясняется временем написания воспоминаний - 1984 г.

Егор Михайлович Чех⁴, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой⁵, часто навещал свою дочь, проживающую в селе Твердохлебово⁶ Воронежской губ. в 15-ти верстах от уездного города Богучара⁷. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова⁸ на Донщине, где Егор Мих(айлович) работал управляющим его имения.

Путь в село Твердохлебово был нелегким, т<ак> к(ак) большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала за своими родными, будучи оторванной от них с юношеских лет своей жизни. Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он ее именовал), питая к ней особенное чувство трогательной жалости из-за ее постоянной тоски по матери.

После трудного пути Егор Михай(лович), немного передохнув, начинал вникать в ведение домашнего хозяйства, оказывал помощь, давал советы и понемногу привлекал старших сестер к хозяйству, обучал их и делал им разумные наставления.

Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я - младшая дочь Вера⁸. Отец мой, Василий Григорьевич [Кожевников], был сельским писарем и работал в волостном управлении села Твердохлебово. Целыми днями он был занят писанием и переписыванием служебных бумаг. Иногда он не успевал выполнять всю работу и приносил домой целую сумку таких бумаг, за которыми просиживал до поздней ночи. При такой нагрузке служебными делами мой отец мало помогал в домашних делах.

Егор Мих(айлович) очень переживал из-за этих недостатков в хозяйстве и по возможности сам помогал их исправлять. Чтобы отвлекать мрачные мысли от неполадок домашнего быта, он умышленно устраивал чтение книг и предавался воспоминаниям о своей прошлой

крепостной жизни и привлекал всех слушать. Это он очень любил и часто повторял во время пребывания у дочери. Усаживаясь в углу за длинным столом, он размещал всех вокруг стола, а меня (младшую дочь Александры Егоровны), Веру, всегда сажал рядом с собой, чтобы мне лучше было видеть в книжке картинки. Надевал очки, и начиналось чтение. Иногда он прерывал его, объясняя прочитанное своими словами. Особенно интересны были его рассказы из прошлой жизни. Егор Михай(лович) передавал их так увлекательно и так содержательно, что все с удовольствием слушали его до позднего вечера.

Кроме нашей семьи его приходили слушать соседи, учитель церковноприходской школы, местный лекарь и даже священник. Слух о его богатой житейской мудрости распространялся в окрестности и дошел до земской управы в г. Богучаре. Многие жители с. Твердохлебово и соседних деревень обращались к нему за советом по сельскому хозяйству и пчеловодству. Земская управа в г. Богучаре в каждый приезд его к дочери приглашала его принимать участие в заседаниях управы и прислушивалась к советам Егора Мих(айловича) в области полеводства, пчеловодства и многим другим организационным вопросам в области сельского хозяйства. Все это воспринималось на совещаниях с благодарностью и проводилось с успехом во многих мероприятиях земской управы. В знак глубокого уважения Егору Михайловичу присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочитывал. По словам детей Александры Егоровны, Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы.

Трудно себе представить, что этот человек с таким глубоким умом был когда-то подневольным рабом, которого наравне со скотом секли розгами. Егор Михайлович рассказывал: «Душа бурлила, глаза наливались от негодования кровью». Каждый раз он задавал себе вопрос: «Когда же этому придет конец?» И успокаивал себя: «Да, конец будет, я должен сбросить с себя это ярмо». Но когда, даже представить было невозможно и непонятно для него.

«С малых лет, - рассказывал Егор Мих(айлович), - мне приходилось очень много работать на помещика и при дворе, и в поле, и на пасеке, и в лесу, и на пастбище. Особенно тяжело и не лежала у меня к ней душа, была работа при дворе. Надо было в течение дня проделать большое количество всевозможных никому не заметных работ. Одни посылали на кухню чистить картошку, другие - привести в порядок конюшню, третьи - таскать воду для мытья полов и подмести двор. При малейшем неудовлетворении я часто получал побои и поэтому всей душой рвался к своей любимой работе в поле и на пасеке.

Но иногда меня посылали и на пастбище, и на лесозаготовки. Будучи 14 лет, я начал болезненно чувствовать беспросветное положение раба с тяжелым подневольным трудом и унижительными побоями. Болезненное чувство породило во мне страстное желание научиться грамоте, благодаря которой, как мне казалось, я облегчу себе рабское положение. Причиной такого большого желания научиться грамоте послужило следующее обстоятельство.

Однажды ранней весной я пришел на пасеку и начал чистку в ульях, не заметив того, как подошел пасечник. Он, видимо, долго, незаметно наблюдал за мной, а потом сказал: «Егорка! Ты наверное любишь это дело, хочешь всегда работать только на пасеке?» Но я ему ответил: «Я люблю работать и на пасеке, и в поле и буду одинаково хорошо работать и там и там».

В одно пребывание мое на пасеке пасечник мне сказал, что он собирается выписать из Италии пчелиных маток. Позвав меня в домик на пасеке, показал мне несколько журналов по пчеловодству, в которых были сняты матки и красочно изображенные виды пасек. Он мне сказал, что в этих журналах описано все о пчеловодстве и об уходе за пчелами. Я подумал про себя: «Вот он откуда знает так много о пчеловодстве, вот где нужна грамота. Надо во что бы то ни стало ее постичь».

Прошло некоторое время, и из Италии пришли выписанные пасечником матки. Услыхав об этом, я поспешил на пасеку. На столе в домике лежали три маленькие коробочки, в которых находились матки. Когда пасечник стал открывать одну из них, то находившаяся там матка, совершенно без признаков жизни, вспорхнула и вылетела в открытую дверь. Я в

испуге помчался за ней, чтобы ее поймать, но пасечник возвратил меня и, раскрыв шире дверь, сказал: «Матка должна вернуться обратно сама». Действительно, она вернулась и села в коробочку на прежнее место. Все присутствовавшие здесь были удивлены таким явлением и посчитали это не иначе, как за чудеса. Но я и здесь подумал, что вся сила этого заключается в грамотности, которая объясняет и облегчает всякие дела. Опять я говорю себе: «Надо учиться грамоте».

Вот тут-то мысль научиться грамоте так овладела мною, что я твердо решил добиться своей цели любым путем. Я потерял покой, все думал об этом, не зная, как мне это осуществить. Я даже стал забывать, что я все-таки раб и что это для нас едва допустимо. Проходя через барский двор, я с завистью смотрел на веранду барского дома, где на веранде сидели барыни и читали газеты и журналы. Поделиться с кем-либо о своем решении учиться грамоте я не решался. Но однажды я не вытерпел и проговорился об этом своему отцу. Отец в отчаянии сказал: «Егор! Брось об этом помышлять, засекут тебя, знай, засекут. Я подумал и ответил ему: «Нас секут за всякие провинности и часто без всякого повода, и мы все терпим, за это я тоже потерплю».

Нелегко мне было думать о том, кто же сможет обучить меня грамоте и притом тайно. В разговоре со своим сверстником Сидором Харитоновым, сыном помещичьего дворового крестьянина, я узнал, что его отец был грамотным и тайком обучал грамоте своего сына. Сидор, узнав о моем желании обучаться грамоте, пообещал мне по мере своего ознакомления с грамотой помогать мне по своим книгам. Но осуществлять это было крайне сложно, т(ак) к(ак) приходилось укрываться с книгами на чердаках, по хлевам, конюшням и в лесу, где я пас скот. Длительные отлучки мои стали заметными, а в работе тоже не все шло хорошо, как это было раньше, за что неоднократно подвергался побоям. Но ради такого большого дела я переносил все унижения. Удавалась мне грамота легко, а под конец я закончил ее самостоятельно. Радостно мне было, когда я постиг грамоту. Грамота моя собственность, и хотя я и раб, но никакая сила не сможет отнять ее у меня. Теперь, когда я проходил через барский двор и видел на веранде господ за чтением газет и журналов, я уже не завидовал им и мне хотелось им громко сказать: «Я тоже постиг грамоту и тоже умею читать». Обучившись грамоте, я пристрастился к чтению книг, журналов и газет, которыми меня тайно снабжал Сидор из барского дома. Книги меня многому научили, на многое открыли глаза, хотя я за них и подвергался избиениям.

Однажды, присматривая стадо, я расположился возле леса и, читая вслух газету, не заметил того, как на лошади подъехал объездчик и со всей силой ударил меня хлыстом по голове, а потом начал полосовать все тело. От неожиданности я в испуге вскочил и к своему ужасу заметил, что газета вся была изодрана, а ее надо было в целом виде возвратить Сидору. Поводом к избиению было только то, что я держал газету в руках и вслух читал, что рабу было не положено. Тело ужасно ныло от боли, но я думал больше об изодранной газете, чем о своем теле.

На другой день барам стало известно, что у меня в руках была газета и я, остерегая скот, лежа читал ее вслух. Меня велели привести на допрос в барский дом. Прежде чем привести в дом, меня снова полосовали плетью, чтобы показать верность своим барам, а потом, как скотину, погнали во двор.

Отец мне напомнил: «Я тебе говорил, засекут тебя, а ты все грамоту хочешь уразуметь, не положено нам - это барское дело». Меня тревожило не то, что меня снова начнут бить, а то, как бы не допытались, кто меня обучал грамоте и кто мне дал газету. Но тревога моя оказалась напрасной. Никто из бар не только не спросил меня, откуда у меня взялась газета, но даже никто не поинтересовался, каким образом и когда я научился грамоте. Барин раскрыл передо мною книгу и заставил прочитать несколько строчек и прочитанное написать. Удивления он не выразил по этому поводу, а только осмотрел меня со всех сторон и приказал: «Иди к управляющему и будешь выполнять всю ту работу, которую он тебе скажет». Я со страхом вошел в помещение конторы, в которой сидел управляющий за большим столом. Он на меня строго посмотрел и грозным голосом спросил: «Ну что, смог уразуметь

грамоту?». «Да, умею читать и писать», - ответил я. «Ты будешь выполнять всю работу по конторе, которую я тебе укажу», - приказал он.

Первая работа в конторе, которую поручено было мне вести, заключалась в том, что надо было производить точный учет почтовых поступлений и отправлений. В начале я растерялся и даже испугался, боясь в самом начале работы получить побои, но один из конторских работников (тоже крепостной), помог мне разобраться в бумагах, и я быстро и успешно освоил всю технику.

Постепенно под строгим контролем управляющего мне поручалось вести домовую переписку, вести учет урожайности зерна, меда, учитывать скот и отправление его в Петербург и другие города. Все работы, которые поручал мне управляющий, осваивались быстро и выполнялись хорошо. Управляющий очень хвалил меня за доброе выполнение всех поручаемых мне работ и к праздничным дням делал мне вознаграждения.

Слух о моей работе и стараниях дошли до помещика Черткова¹⁰, и он со своей стороны награждал меня, вызывал к себе в дом и перед всей семьей выражал похвалу за мои старания. Помещик замечал мои успехи и старания во всех конторских делах и советовал управляющему, чтобы тот постепенно приобщал меня к делу управления имением. Я с большой охотой и рвением схватился и за эту работу, которая протекала гладко, без всяких замечаний. Во время заболевания управляющего помещик приказал мне самостоятельно вести всю работу по управлению имением, и я с этим трудным делом справлялся. За все успехи мои в делах я всегда имел вознаграждения от управляющего и от помещика.

Теперь я уже без робости брался за всякие работы, т(ак> к(ак) все трудности я преодолел без осложнений, но все же под присмотром управляющего имением. Но однажды, советуясь с управляющим, помещик решил проверить меня в области покупки для имения сельскохозяйственных орудий. Для этого отправил меня с помещиком в г. Воронеж.

Первый раз в городе мне показалось несколько суетно и многолюдно, что меня тревожило и настораживало. Однако, преодолев все городские трудности, закупили все порученные нам орудия, которые удовлетворили помещика, и он остался доволен необходимыми покупками для весенних работ. Не ожидая весны, помещик с управляющим решили меня с двумя помощниками направить в Петербург для продажи туш крупного рогатого скота и меда. Я высказался помещику о своей робости, но он мне ответил, что я со всякой работой справлялся, и это тоже одолею. С большим грузом мы отправились в Петербург, где вся продукция была продана довольно выгодно, и помещик был доволен хорошим исходом нашей поездки. Такие поездки повторялись несколько раз, и мне давались вознаграждения за удавшуюся поездку, которые я скупко копил для будущего.

Между тем, благодаря моему познанию всего хозяйства, помещик решает приблизить меня к управлению всеми делами имения. Однако шли годы, я обзавелся семьей, которая увеличилась до 6-ти человек. Но все они, как и я сам, были крепостными помещика Черткова. Это обстоятельство, положение раба, крайне тяготило меня, особенно при том положении, в котором находился я, выполняя такую сложную и полезную работу для помещика. Я начал особенно задумываться над этим унижительным положением раба. Особенно страстным желанием было освободить себя и всю свою семью от крепостничества после того, как я побывал в больших городах и увидел там кипучую жизнь свободных людей.

Но для освобождения от рабства необходимы деньги для выкупа. Источниками накопления средств для выкупа у меня являлись вознаграждения, получаемые мною за хорошую работу от помещика- и управляющего. В силу этого семья моя жила очень скудно, так как все возможные средства я скупко собирал для ее выкупа. К моменту моего решения поднять вопрос перед помещиком о моем освобождении у меня собралась накопленная сумма, из которой я изъясил три тысячи рублей. Я обратился к помещику с просьбой об освобождении меня и моей семьи от крепостничества. Помещик подсчитал всех членов семьи и нашел, что для выкупа моей дочери Александры денег не хватает, и он отдал мне ее бесплатно, как малоценный товар. После этого были оформлены документы освобожденной от крепостного права семьи Чеха Егора Михайловича. При прощании помещик поблагодарил меня за все

мои старания во всех делах, которые я делал во все времена жизни в его имении. Он в знак благодарности подарил мне в дорогу две телеги с парой лошадей каждая.

Собрав свой скудный скарб, среди которого я вез два короба книг и журналов, подаренных мне членами семьи помещика, на другой день ранним утром, простившись со своим учителем грамоты Сидором и его семьей, я покинул имение Ольховатку¹¹, место мрачной жизни крепостного раба. Проехав г. Россошь, мы двинулись к югу, оставляя по левой стороне пути деревни Митрофановку, Райновское, хутор Даниловку, и вечером в субботу прибыли в большую деревню Константиновку (ныне Кантемировка)¹². На другой день, в воскресенье, я отслужил в церкви благодарственный молебен и, выехав на большой тракт, ведущий путь в уездный город Богучар. Проехав деревни Талы, Писаревку и др., и 15 верстах от уездного г. Богучара, я сделал остановку в очень маленькой деревне Твердохлебово. Остановку здесь я сделал умышленно с тем, чтобы здесь выдать свою дочь Александру замуж, т(ак) к(ак) она была очень юная, и я боялся везти ее в город, ибо там жулики ее могут обмануть».

Дочь была выдана замуж за сельского писаря Василия Григорьевичи Кожевникова¹³, грамотного человека, которого сочли достойным их дочери. Оставив с сожалением свою юную дочь в глухой деревушке Твердохлебово, Егор Михайлович просил жену священника присматривать за(...) дочерью и давать ей житейские советы.

Мать Александры, Ефросинья Емельяновна, очень тяжело переживала разлуку со своей дочерью, оторвав ее от родной семьи. На прощанье- Егор Михайлович просил свою дочь сохранить два короба с книгами и журналами, которые он не смог в данный момент взять с собой. Собравшись, Егор Михайлович поехал дальше в направлении юга и сделал остановку в г. Таганроге, где и решил устраиваться со всей семьей.

Купив в Таганроге небольшой домик¹⁴, он приложил много усилий, энергии и упорства своего характера, которые помогли ему преодолеть все препятствия городских условий жизни. Пристроив сыновей к делу, Егор Михай(лович) не долго остается с ними в Таганроге. Его тяготили городская жизнь, и снова потянуло его к земле, к сельскому хозяйству.

Он возобновляет работу управляющего в имении помещика Платова на Донщине. Но шли годы, и дети Егора Мих(айловича) обзавелись семьями. Однако условия жизни у всех были разные.

Особое внимание Егор Мих(айлович) оказывал сыну Павлу, в котором он заметил продолжение своих стремлений к свободе, к образованию. Он гордился тем, что дети Павла обучаются в гимназии.

В то же время он огорчался, что его дочь Александра Егоровна проживает с многочисленной семьей в глухой деревне и не имеет такой возможности. Но все же три [ее] дочери и сын обучались грамоте в местной приходской школе, а младшую дочь Верочку¹⁵, любимую внучку, он обучал грамоте сам и, обучая, всегда приговаривал: "Учись, Верочка, и знай, что неграмотный человек - это слепой человек". Далее он давал ей советы читать книги, которые дают человеку знание о многом невидан ном. Об этом она нам, детям, неоднократно рассказывала с особым уважением к своему деду Егору Мих(айлови)чу.

Не менее удручало Егора Мих(айловича) то, что его дочь терпела материальные лишения со своей многочисленной семьей. Чтобы несколько помочь ей, он решил в один из приездов организовать торговлю при дворе хозяйственными товарами и обучил этому делу 14-летнего сына дочери Василия. На приусадебном участке Егор Мих(айлови)ч помог организовать пасеку и посадить огородные растения.

Но муж Александры Егоровны, писарь, человек канцелярии, не мог практически использовать добрые начинания Егора Мих(айлови)ча, что того очень огорчало. Но тут вместе со многими житейскими невзгодами Александру Егор(ов)ну постигло большое семейное горе: муж ее Василий Григорьевич потерял зрение, которое не восстановилось до конца его жизни. Егор Мих(айлович) оказывал помощь через врачей земской управы, но болезнь оказалась неизлечимой. К этому времени детей у Александры Егоровны было уже пять человек - четыре дочери и один сын. Положение сделалось затруднительным, во главе семьи стал не-

совершеннолетний сын Василий, который вел небольшую торговлю при доме и смотрел с сестрами за пасекой и огородом. В один из приездов Егор Мих(айлови)ч был приглашен на заседание в земскую управу. В этот раз он взял с собой сына дочери, чтобы он сам ознакомился с торговлей в городе и развил свое небольшое дело в Твердохлебово. В Богучаре Егор Мих(айлови)ч обзаводится знакомством с одним из сотрудников управы Кудиновым Акимом, работающим там около 4-х лет и проживающим в г. Богучаре.

Прошло некоторое время, и Егор Мих(айлови)ч предложил Александре Егор(ов)не устроить семейную жизнь ее старшей дочери Анастасии с Кудиновым Акимом¹⁶. Было дано согласие, и семейная жизнь Анастасии прошла в добром согласии на радость Егору Мих(айловичу).

Вращаясь во время пребывания в Богучаре среди торгового мира, Егор Мих(айлови)ч знакомится с торговцем оптовой продажи мануфактуры Павловым Михаилом из деревни Верхняя Гнилуша Павловского р-на. Близкое знакомство с ним выявило в нем человека со здоровыми качествами, и он начал советовать дочери об устройстве семейной жизни второй ее дочери Марии, что и было сделано через год после замужества первой дочери.

Через два года после этого Егор Мих(айлови)ч снова приехал навестить свою дочь, и в этот раз начала беспокоить его мысль об устройстве семейной жизни третьей дочери Александры Егор(ов)ны, Анны. С помощью мужа второй дочери Павлова Михаила¹⁷ Егор Мих(айлови)ч знакомится с уроженцем станицы Журавка (Донская) Сереженко Никитой, проживающим небольшой торговлей, и просит его побывать в доме дочери в Твердохлебово, где тот знакомится с внучкой Анной и делает ей предложение о совместной их жизни. Это с удовлетворением было воспринято Егором Михайловичем.

Покидая этот дом своей дочери, он почувствовал большое облегчение в связи с устройством семейной жизни трем дочерям Александры Егоровны. Получив приглашение из земской управы на совещание, Егор Михайл(ови)ч с хорошим настроением поехал в г. Богучар. Вместе с собой он взял внука Василия, который должен был купить там хозяйственные товары для своей лавки. Прощаясь с дочерью и мною, внучкой, Егор Мих(айлович) сказал, что возможно не вернется в Твердохлебово, а поедет к себе на Дон из Богучара по большому тракту.

На этом совещании Егор Мих(айлови)ч дал совет земцам о применении органического удобрения (навоза), что вызвало у всех большой интерес. После совещания муж внучки Анастасии Кудинов организовал ему отъезд из Богучара на лошадях почтовых станций (...)

В этот год Егор Мих(айлови)ч не собирался приезжать к дочери, т(ак) к(ак) бабушка Ефросинья Емельяновна прибалывала¹⁸ и ослабела. Но, жалея свою дочь и внуку Веру, участливо относившуюся к своему отцу, все же решил поехать.

Приезд к дочери всегда был нелегким, т(ак) к(ак) путь пролегал по мягким почвам, очень липким во время осенних дождей, и он в дороге очень утомлялся. Отдохнувши после дороги, Егор Мих(айлови)ч поднял вопрос с внуком Василием о том, что его мать с Верочкой обязательно должна приехать к ним в имение к празднику Пасхи повидаться с матерью, которая стала очень слабой и после давней разлуки неутешно тоскует о ней, а Егор Мих(айлови)ч очень переживает за это. Однако проехать к Егору Михайловичу можно было только весной во время разлива реки Дона и втекающей в него притока Богучарки, по которой во время разлива заходят по ней в Богучар пассажирские пароходы и могут подвести по Дону в имение Платова. Дождавшись разлива Дона, я вместе с матерью выехала в Богачур к сестре Анастасии Кудиновой, которая и проводила нас к дедушке.

Мне впервые пришлось ехать на пароходе, поэтому все было интересно и занимательно. На другой день утром мы прибыли к месту жительства Егора Мих(айлови)ча, где он нас встретил и повел в свой домик. Открыв дверь, мы увидели старенькую, слабенькую женщину, сидевшую на постели с протянутыми к нам руками. Моя мама с рыданиями бросилась к ней, упала перед ней на колени и без конца целовала бабушкины руки. Я повторяла за мамой то же самое и громко плакала. Бабушка непрерывно плакала и повторяла: «Бог послал мне вас увидеть последний раз». Дедушке, стоявшему в стороне, наверно, тяжело было

смотреть на эти переживания, и он вышел из помещения. Через некоторое время он возвратился, подошел ко мне и сказал: «Пойдем со мной, а они пускай побудут вместе».

Егор Мих(айлови)ч повел меня к пруду, в котором плавало очень много разных рыбок, очень восхитивших меня своей красотой. Потом мы пошли к теплице, где он показал мне выросшие к празднику огурцы и помидоры. Я очень была удивлена дедушкиному умению все это делать. А он мне при этом сказал: «Будешь много читать, будешь много знать». Когда мы возвратились домой, то бабушка с мамой уже немного успокоились и разговаривали более спокойно (...)

В четверг, на страстной неделе, мы все, кроме бабушки, пошли в церковь. После окончания службы мы все встали на колени и молились богу.

В пятницу и субботу мы все начали готовиться к празднику Пасхи: пекли пасхи, пироги, разные кушанья и красили яички (...)

В день Пасхи мы все опять, кроме бабушки, очень рано пошли в церковь и понесли святить пасху, яички и съедобное.

В церкви шла очень торжественная служба с прекрасным пением церковного хора (...) После все сели за праздничный стол разговляться. Дедушка поздравил всех с праздником и сказал: «Этот праздник принес мне самое большое удовлетворение души, самое большое в моей жизни. За этим столом сидит моя дорогая дочь Александра Егоровна, приехавшая издалека после долгой разлуки навестить свою родную мать Ефросинью Емельянову. Спасибо ей за это усердие и внимание с пожеланием здоровья» (...)

Три дня праздников у всех было хорошее настроение. К дедушке приходили гости поздравлять с праздником, меня он посылал играть в пасхальную игру «каток», который сделал к празднику. Бабушка была очень ласкова и все время обнимала меня и говорила: «Как хорошо, что вы приехали меня проведать».

Мама все время сидела с бабушкой и рассказывала ей о своей жизни в Твердохлебово. На третий день праздника мама с печалью стала говорить о нашем отъезде, т(ак) к(ак) вода в реках может спадать и тогда трудно будет выехать (...)

На четвертый день я с мамой покидала нашу дорогую слабую бабушку, которая с непрерывным плачем расставалась с нами, а дедушка сказал маме, что она своим приездом сняла с него тяжелый камень (...)

Уезжая от дедушки, я увезла с собой массу интересных впечатлений, которые остались у меня незабываемыми на всю жизнь. На другой день мы прибыли в Богучар к сестре Анастасии и рассказали ей все о нашем пребывании у дедушки и бабушки, которую она никогда не видала и очень позавидовала мне. Прибыв в Твердохлебово, мы много рассказывали брату Василию... о бабушке и дедушке, о проведенном празднике пасхи, о чудесных делах нашего дорогого дедушки в имении Платова.

В Твердохлебово все казалось мне маленьким, а пасека из одиннадцати ульев была совсем невзрачной и некрасивой. Но все же для нашего хозяйства это было необходимо, и нужно было стараться все делать хорошо, как учил нас дедушка. Брат Василий был ведущим нашего несложного хозяйства, и мы все прислушивались к его советам. Но в половине июля мама получила из Таганрога от брата Митрофана Егоровича письмо, в котором он сообщил, что, поболев немного, умерла наша мама и дорогая бабушка Ефросинья Емельяновна и что они, все братья, помогли дедушке похоронить ее и успокоить дедушку в эти скорбные дни. Дедушка очень расстроился такой печальной неожиданностью и напишет вам об этом сам немного после.

Мы все были очень расстроены таким горестным известием, очень беспокоились за состояние дедушкиного здоровья и с нетерпением ожидали от него известий. На другой день мама послала всем дочерям письма с сообщением о смерти нашей бабушки и с просьбой приехать всем в Твердохлебово, чтобы здесь вместе отметить по христианскому обычаю сорок дней со дня ее смерти. В конце августа мама получила от дедушки письмо, в котором он от себя сообщает, что нас всех покинула мать Ефросинья Емельяновна и он никак не может смириться с этим горем (...)

Мы с нетерпением ожидали его приезда. Прошел август и кончился сентябрь, а дедушка все не приезжал. Мама начала беспокоиться и собиралась посылать ему на помощь сына Василия, т(ак) к(ак) в октябре могут начаться дожди и в дороге будет трудно. Но к нашему счастью, дедушка приехал в начале октября¹⁹ в сопровождении сына Митрофана Егоровича, которого дедушка попросил помочь ему, ибо ликвидация дел в имении задержала его. Митрофан Егорович пробыл в Твердохлебово три дня и все время вместе с Александрой Егоровной старался отвлечь мысли дедушки от постигшей его печали. В условиях однообразной тишины, участливого и уважительного отношения к нему всех в доме его дочери Егор Мих(айлови)ч постепенно успокоился. Приближались рождественские праздники, и Егор Михайлович, несмотря на большие морозы, решил посетить все церковные службы.

В его адрес были получены поздравительные праздничные послания от сыновей, знакомых и работников земской управы г. Богучара, что очень обрадовало его. В конце января земская управа все же решила сделать ему приглашение приехать на совещание, от чего он отказался по состоянию здоровья и просил при надобности прислать к нему агронома, где он сможет дать какие-либо советы. Что и было сделано. Прошли морозные месяцы, приближалась весна, и Егор Мих(айлови)ч стал тяготиться своим бездельем, начал вспоминать свою трудную жизнь с самых ранних лет. Дочь Александра Егор(ов)на и внук Василий успокаивали его, говоря: «Отдохнешь хорошо и снова начнешь трудиться». Но время больше не пришло. Егор Михайлович начал жаловаться на недомогание и большую слабость. Уставал даже читать и просил меня, внучку, помогать ему в этом. Читали мы больше на религиозные темы и журналы по сельскому хозяйству. Внук Василий с ведома Егора Мих(айлови)ча обратился в сельскую управу с просьбой прислать врача проверить состояние здоровья дедушки. Врач нашел у Егора Михайловича большую слабость относительно физической нагрузки прошлого, отразившейся на сердечной деятельности. В связи со смертью бабушки Ефросиньи Емельяновны Егор Михайлович очень тяжело перенес эту утрату, болезненно отразившуюся на его душевном состоянии. Александра Егор(ов)на очень переживала за состояние здоровья своего отца, но никакие увещания не имели силы, т(ак) к(ак) здоровье ухудшалось и душевное состояние становилось беспокойным. Он стал задумчив, меньше разговаривать, выходил подышать воздухом, быстро возвращался в дом и ложился отдыхать. Когда ему было лучше, он выходил в огород смотреть нашу маленькую пасеку и делал мне кое-какие советы по уходу за ней. Были такие дни, когда он заходил посидеть в лавку, посмотреть за торговлей внука и делал ему советы.

Видя ухудшающееся состояние здоровья дедушки, мать написала всем дочерям письма с просьбой навестить дедушку. Внучки своим приездом очень обрадовали Егора Мих(айлови)ча. При этом Егор Мих(айлови)ч высказал мысль пригласить сына Митрофана приехать его проведать, т(ак) к(ак) он уже плох и не может никуда двинуться. Письмо брату Александра Егор(ов)на написала, и он уже через неделю приехал в Твердохлебово.

Егор Мих(айлови)ч настолько обрадовался, что потерял самообладание и от радости расплакался. Мы все очень разволновались и с трудом успокоили дедушку. Немного успокоившись, он сказал: «Мне совсем худо». При этом он часто и тяжело дышал. Дядя Митрофан, отойдя в сторону, заплакал, глядя на мучения отца. В таком положении дедушка совсем не разговаривал и без улучшения его состояния здоровья на третий день скончался. Мы все были очень убиты горем и растерялись от его быстрой смерти. Кто нам скажет всем свое неопровержимое слово?

В доме поднялась суэта по приготовлению дедушки к похоронам. Приходили люди проститься с умершим. На другой день из Богучар приехали родственники из земской управы проститься с Егором Михайловичем. Привезли с собой соборного священника, который принял участие в похоронах совместно с местным священником. Похоронен был Егор Михайлович с почестями. Представитель от земской управы в своем выступлении много сказал о достойных делах Егора Михайловича.

Егор Михайлович был одарен от природы редким умом, кипучей энергией, напористостью в каждом начинании дела и достижении намеченной им цели. Страстное стремление

тайно обучиться грамоте, еще в подростковом возрасте при тяжелых условиях крепостничества, и в дальнейшем тяготение к свету не могли не оказать влияния на его детей и через них на внуков, а в дальнейшем и на правнуков, что говорит о колоссальной силе воздействия этого человека - великана труда. Освободивши себя и свою семью от крепостной зависимости на 20 лет ранее общегосударственного освобождения крестьян, он доставил все возможности свободному развитию природных дарований своим детям и в дальнейшем внуку Антону Павловичу, который обессмертил свой род и прославил свою Родину.

Воспоминания о деде Егоре Мих(айлови)че Чехе записала правнучка Егора Мих(айлови)ча Чеха Руденко Ксения Андр(еев)на со слов матери Веры Васильевны - внучки Егора Мих(айлови)ча Чеха.

¹ Чехова Татьяна Владимировна (1907-1993), двоюродная племянница Чехова, внучка его дяди Митрофана Егоровича. Т.В. Чехова всю жизнь провела в г. Таганроге в доме своих отца и деда, приобретенном еще в начале 1850-х годов Е.М. Чеховым. В 1932 г. окончила авиационный техникум, работала на авиационном заводе до самой пенсии. В годы немецкой оккупации (1941-1943) оставалась в городе. Муж погиб. Т.В. Чехова фамилию не меняла, и ее сыновья - Виктор (1934) и Михаил (1935) сохранили ее. Ее внуки от Виктора - Игорь (1966) и Юрий (1971), от Михаила - Дмитрий (1963) также носят эту фамилию.

² Известны три письма К.А. Руденко к Н.С. Коваленко (1983, 1984 гг.). Хранятся в фондах Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (далее - ТГЛИАМЗ).

³ К.А. Руденко (точный год рождения неизвестен) умерла 14 января 1986 г. в преклонном возрасте в г. Дербенте. Последние дни провела в семье сына Александра.

⁴ См.: *Чехов М.П.* Вокруг Чехова: Встречи и впечатления / Подгот. текста и коммент. С.М. Чехова. М., 1980. С. 31, 227-228.

⁵ Кожевникова (урожд. Чехова) Александра Егоровна (1827 или 1831 - август 1908), тетка Чехова. В указании дат жизни нет единства. Согласно "Ревизской сказке 1835 года апреля 20 дня, Воронежской губернии Острогожского уезда слободы Ольховатки", А.Е. Чеховой в момент переписи было 4 года (Гос. архив Воронеж, обл. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 63). С.М. Чехов в "Родословной Антона Павловича Чехова со стороны отца", составленной (в машинописной форме) в 1950 г. (РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 2. Д. 82), называет годом ее рождения 1827. Эту же дату рождения приводит (без указания источников) М. Грибанов в статье "Чехов в Воронеже" в журнале "Подъем" (1958. № 4) (Сообщено Н.И. Серебрянной, сотрудником ТГЛИАМЗ.) Согласно той же статье М. Грибанова, Александра Егоровна умерла в августе 1908 г. и похоронена "на твер-дохлебовском кладбище рядом с могилой отца". Эту дату установил ее внук Михаил Васильевич Кожевников, 1896 г. рождения. См. также: *Чехов М.П.* Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. С. 227-229.

⁶ "С. Твердохлебово - слобода Воронежской губ. Богучарского уезда при р. Богучаре в 15 вер. от уездного города" (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 64, С. 707). "В совокупности со слоб. Загребайловка Твердохлебово имеет до 2500 ж., 2 церкви, волостное правление, школу, 74 ветряные мельницы, лавки и 2 ярмарки с оборотом от 5 до 10 тыс. руб." (Россия: Полное географическое описание нашего Отечества / Под общ. руков. П.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 11. С. 392).

⁷ "Богучар - уездный город Воронежской губ. в 225 в. от Воронежа, лежит на левом берегу реки того же имени" (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 7. С. 205). "В эпоху освобождения крестьян (1861) он имел 2700 ж. <•••> церквей в городе три, промышленное значение ничтожно, жители занимаются земледелием и отчасти торговлею. В городе есть еженедельные базары и 6 ярмарок" (Россия: Полное географическое описание нашего Отечества под общим руководством П.П. Семенова. Т. 11. С. 390).

⁸ Об Иване Матвеевиче Платове см. примеч, в статье Е.А. Шапочки «... "Фантастический край" чеховского Приазовья» в наст. сб. (С. 287).

⁹ П.Е. Чехов в одной из своих деловых записок скрупулезно перечисляет родственников и Богучарском уезде. Помимо названных в воспоминаниях четырех дочерей и сына Василия, он называет также Наталию, Ольгу, Григория, Михаила, и все они - Васильевичи(вны) (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 1-В. Л. 54а).

¹⁰ Об Александре Дмитриевиче Черткове см. примеч. в ст. Е.А. Шапочки "У Чеховых и в Неровновки" в наст. сб. (С. 87).

¹¹ Как свидетельствует в своем дневнике П.Е. Чехов, семья Егора Михайловича, выкупленная им на волю в 1841 г., не сразу покинула родную Ольховатку. Только в 1843 г. "выехали совсем из родины в Зайцовку к дедушке Шимке" (РГАЛИ. Ф. 254. К. 2. Ед. хр. 78. Л. 11), а в 1844 г., оставив в Ольховатке своих ближайших родственников, давших впоследствии многочисленное потомство, представители которого живут и настоящее время в Ольховатском районе. "[Егор Михайлович] приехал в Таганрог 20 июля..." (Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича / Сост. А.П. Кузичева, Е.М. Сахарова. М., 1995. С. 9). "Ольховатка, слобода Острогожского уезда, Воронежской губ. в 73 в. от у(езного) г(орода), при рр. Ольховатке и Черной Калитве" (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 42. С. 923); "имеет 8 т.ж., волостное правление, школу, бога дельню, много лавок, более 60 ветряных мельниц, сахарный и винокурный заводы, базары и 3 ярмарки для надобности местного сахарного завода. Здесь производится добыча мела" (Россия: Поли, географич. описание нашего Отечества. Т. 11. С. 390). С.М. Чехов в "Родословной Антона Павловича Чехова" пишет, что Ольховатка "представляет большое село, раскинувшееся по обоим берегам речки Калитвы. впадающей в Дон. В настоящее время в ней насчитывают 634 двора, а вместе с непосредственно примыкающими к ней слободами Бугаевской, Заболотовкой, Большими и Малыми Базарами она простирается на 7-8 км и включает в себя 2200 дворов. И непосредственной близости расположен парк бывшего имения помещиков Чертковых" (РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 7). В начале XIX в. Ольховатка входила в состав Слободской Украины и была населена почти на 90% украинцами. Чеховы были там, несомненно, людьми пришлыми из Великодержавии, что доказывается их русской речью (Там же. Л. 8). По выкупе на волю Егор Михайлович прожил в Ольховатке с семьей еще два года.

¹² Константиновка (Кантемировка) - слобода Богучарского уезда Воронежской губ. станция ("Кантемировка") Козлово-Ворон.-Рост. жел. дор." (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 31. С. 48). "Имеет 8700 жит., 2 церкви, волостное правление, школу, мелкие кожевенные заводы, более сотни ветряных мельниц, много лавок и 2 ярмарки" (Россия... Т. 11. С. 393).

¹³ Кожевников Василий Григорьевич (1819-1904), муж единственной дочери Е.М. Чехова - Александры Егоровны. Годы жизни установлены согласно архивным выпискам Н.М. Морозовой, заведующей отделом ЗАГС г. Богучара Воронежской обл.: "21 апреля 1904 г. умер Василий Григорьевич Кожевников в возрасте 85 лет". Долгую его жизнь подтверждает дневниковая запись П.Е. Чехова от 20 апреля 1894 г.: "Посланы письма М.М. Чехову, В.Г. Кожевникову" (Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича. С. 80). Был ли В.Г. Кожевников конторским служащим, земледельцем либо торговцем, судить трудно. М. Грибанов в статье "Чехов в Воронеже" (Подъем. 1958. № 4) пишет: "...Александра Егоровна... родилась в 1827 г. (...) Семья, в которую она вошла, была со средним достатком. Василий Григорьевич (государственный крестьянин) имел двух лошадей, корову и овец, занимался хлебопашеством и вместе с сыном Василием торговал дегтем и табаком по окрестным селам. В конце жизни ослеп. Умер в 85 Лет". Однако Митрофан Егорович Чехов сообщал 9 февраля 1878 г. брату Павлу Егоровичу в Москву: "На днях я получил письмо от Василия Григорьевича, ему грозит большая опасность, что у него не оказалось казенных денег 200 р." (ОР РГБ. Ф. 331. К. 81. Ед. хр. 71. Л. 11), что позволяет предположить о конторской службе В.Г. Кожевникова.

¹⁴ См.: *Чехов М.П.* Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. С. 227.

¹⁵ О Вере Васильевне Руденко (урожд. Кожевниковой) известно крайне мало, хотя именно с ее слов записала настоящие воспоминания ее дочь Ксения Андреевна. В деловых

записках П.Е. Чехова, упомянутых выше, одной строкой сказано: "Андрей Константинович, Вера Васильевна Руденко, при Ст. Журавле" (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 1-В. Л. 54). В 1996 г. из архива отдела ЗАГС г. Богучара были получены некоторые сведения о родственниках Чехова, проживавших ранее в слободе Твердохлебово. Так, стало известно, что Вера Васильевна Кожевникова 3 февраля 1895 г. вступила в брак девицей 22 лет с вдовым крестьянином Андреем Константиновичем Руденковым, 40 лет. "Верочку" в воспоминаниях по праву называют младшей дочерью Александры Егоровны, так как сестра Анастасия старше ее на 24 г. (По материалам архива ЗАГС г. Богучара Воронежской обл. Сообщено Н.М. Морозовой).

¹⁶ Аким Ефимовича и Анастасию Васильевну Кудиновых упоминает П.Е. Чехов (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 1-В. Л. 54а), а также архивные материалы ЗАГС г. Богучара, из которых известно, что 54-летний Аким Ефимович вдов и вступает в брак в 1877 г. с вдовой Анастасией Васильевной 28-и лет. (Сообщено Н.М. Морозовой.)

¹⁷ В деловых записках П.Е. Чехова находим следующую запись: "Михаил Яковлевич, Мария Васильевна Павловы, село Гнижин, торгует" (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 1-В. Л. 54а).

¹⁸ Ефросинья Емельяновна Чехова вместе с мужем приезжала к сыну Митрофану в Таганрог на Троицу в 1876 г. Это был ее последний приезд. В том же году М.Е. Чехов в письме к брату Павлу Егоровичу в Москву сообщает: "Папенька пишет, что маменька упала и сломала себе ногу" (ОР РГБ. Ф. 331. К. 81. Ед. хр. 71. Л. 2). Спустя год Е.М. Чехов писал сыну Павлу в Москву: "Я здоров, а мать ваша в постели лежит, ходить не может, вот уже на Петров день год будет" (ОР РГБ. Ф. 331. К. 81. Ед. хр. 1. Л. 4).

¹⁹ Ошибка памяти. Письма Е.М. Чехова к П.Е. Чехову указывают на другие даты. Перед отъездом к дочери Александре Е.М. Чехов в конце лета и осенью 1878 г. побывал у внуков в Таганроге, Москве, Калуге, а затем в новый год прибыл в Богучар и Твердохлебово. См.: ОР РГБ. Ф. 331. К. 81. Ед. хр. 1. Л. 6. Л. 8. С.М. Чехов в "Родословной" А.П. Чехова сообщает: «Егор Михайлович, как полагалось, поклонился всем московским святыням, побывал в Троице-Сергиевой Лавре, в Новом Иерусалиме и после этого навестил семью сына Михаила в Калуге. Осенью он отбыл на юг, "на окончательное житие своей жизни" к дочери Александре, которая жила в это время в селе Твердохлебове Богучарского уезда Воронежской губернии. Там он и скончался 12 марта 1879 г. в преклонном возрасте без случайной болезни» (РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 17). Впечатлениями от встречи со своим дедушкой делится в письме к сестре Елизавете М.М. Чехов 3 августа 1878 г.: "Он (Егор Михайлович Чехов. - *Авт.*) предполагает пробыть [пробыть? — *Авт.*] в Москве, и сам не знает, сколько времени, потом отправляется в Калугу, а из Калуги в Воронежскую губернию к дочери, где он останется на окончательное житие своей жизни там, где меня примут. Если примут в Москве, то в Москве, если в Калуге, то в Калуге, если же у дочери, то там. Одним словом, он останется там, где его пожелают или попросят остаться, но только он очень хороший и прямой старичок" (Там же. Л. 17).

10 декабря 1878 г. в письме на пяти страницах из Калуги в Москву Егор Михайлович Чехов обращается к детям и внукам: "Много любящие и Милые Мои дети - Павлуша, Евочка с детками Вашими, Мишенька, Лизанька, Петинька,

Здравствуйте (...) начну с вами говорить, то есть быть может в последний раз, я хотя коротенько, но я ненько побеседую с вами (...) я как первоначальный виновник бытия вашего на земном шару, то считаю в необходимость довести до сведения вашего, что я шатающийся праздно по лицу земли семя и овамо, как заблудший сын, то в Москве, то в Калуге, незаслуженно едят хлеб наш насущный от трапезы подающих господ добрых, добрых детей моих (...) не забывайте грешного Георгия в ваших молитвах в здешней жизни о здравии и с будущим о уповании (...) утешайте меня вашими письмами пока я здесь на земле, а когда я буду за гробом и если по милосердию божию буду свободен от ада преисподнего, то буду оттуда вам писать, как там грешникам бывает, и как праведники со святыми ангелами ликуют (...) " (ОР РГБ. Ф. 331. К. 81. Ед. хр. 1).

Последним, вероятно, стало его письмо от 13 января 1879 г. из слободы Твердохлебово: "Господи Благослови! Сердоболящие Мои дети Павел, Евочка с детками, Мишинька, Лизинька и Петинька (...) письма ваши от 13 и 25 декабря я имел счастье и удовлетворение в Твердохлебовой получить (...) благодаря всех вас за оказанные благодеяния ваши в бытность мою в Москве, да воздаст вам Господь (...) говорят, что будет опять война, помилуй бог (...) Кланяются Вам Василий Григорьевич и Александра Егоровна Кожевникова с детками. Е. Чехов" (Там же).